

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П.А. СТОЛЫПИНА
AV IMPERIO
ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В ИРКУТСКЕ
ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ

Сборник научных трудов

Омск
Полиграфический центр КАН
2016

УДК 950
ББК 63.5
А355

Редакционная коллегия сборника:

к.и.н. Н.Г. Суворова

к.и.н. С.А. Мулина

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор П.И. Савельев

доктор исторических наук профессор Т.Б. Смирнова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-14057)

А355 АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ : Сб. науч. тр. – Омск:

Полиграфический центр КАН, 2016. – 480 с.

ISBN 978-5-9931-0367-9

УДК 950

ББК 63.5

ISBN 978-5-9931-0367-9

© Коллектив авторов, 2016

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2016

**Анатолий Викторович Ремнев
(1955–2012)**

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.	7
Раздел 1. Вокруг империи: в поисках новых исторических нарративов.	9
<i>Горизонтов Л.Е.</i> Обретение своей темы: случай историка Анатолия Ремнева	9
<i>Сорокин Ю.А.</i> Л.Н. Гумилев – последний евразиец?	15
<i>Ермекбай Ж.А.</i> Вопросы истории Казахстана в трудах профессора А.В. Ремнева	21
<i>Побережников И.В.</i> Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы.	25
<i>Соколовский И.Р.</i> Термины с корнем «импер-» в исторической литературе XX в., посвященной истории Сибири XVI– XVII вв.	33
<i>Бобровников В.О.</i> К истории (меж)имперских трансферов XIX–XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира.	43
<i>Рынков В.М.</i> На пути к колониальному будущему: трансформация экономики Сибири в годы Первой мировой войны.	55
<i>Аманжолова Д.А.</i> Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е гг.	63
<i>Мулина С.А.</i> Память о Сибири в межвоенной Польше.	73
<i>Бустанов А.К.</i> Ислам и язык советской визуальности	78
<i>Селезнев А.Г., Селезнева И.А.</i> Мировоззренческий сдвиг эпохи постмодерна: в поисках новой мифологии истории.	81
<i>Григоричев К.В.</i> «Азия», «Китай», «Восток»: постимперское пространство сквозь призму «китайского» рынка.	91
<i>Пешиков И.О.</i> Статус Внешней Монголии в перспективе новой имперской истории и постколониальной теории.	95
<i>Томилов Н.А.</i> Исторические общности казахстанцев и россиян и их социально-политическая роль.	99
<i>Марченко О.В.</i> Имперские стратегии власти современной России: политико-правовой аспект	107
<i>Татаурова Л.В.</i> Исторические нарративы и археология русских.	111
<i>Кендербай Г.</i> Мемориальное мероприятие памяти А.В. Ремнева в Колумбийском университете	115
Раздел 2. Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом и социальном измерениях.	119
<i>Вовина В.Г.</i> «Съехали в Сибирь...»: Кургоменская волость в Петровское время.	119
<i>Аклишин М.О.</i> Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии в XVII в.	125
<i>Конев А.Ю.</i> Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению.	135
<i>Корусенко С.Н.</i> Татары Сибири в источниках XVII–XX вв.: этнословные штудии	144
<i>Томилов И.С.</i> Изменение сословного состава городов пореформенной Тобольской губернии.	156
<i>Дятлов В.И.</i> «Желтый вопрос» на дореволюционном Дальнем Востоке: эпитет «желтый» в оценке миграционной ситуации.	160
<i>Николаев В.В., Самушкина Е.В.</i> Этничность алтайцев в дискурсах социокультурной модернизации (конец XIX – начало XX в.)	167

<i>Дамешек Л.М.</i> Россия и народы Сибири в меняющемся пространстве империи: исторический опыт инкорпорации.	171
<i>Дамешек И.Л.</i> Ресурсные и геополитические факторы в окраинной политике Российской империи	176
<i>Абашии С.Н.</i> Империя собирает сведения (кишлак Ошоба в представлениях чиновников Туркестана)	182
Раздел 3. Институты империи.	202
<i>Матханова Н.П.</i> Сибирские губернаторы и епископы XIX в.: контакты, конфликты, компромиссы	202
<i>Шиловский М.В.</i> Кадровая политика самодержавия в отношении глав территориальных образований Азиатской России (конец XVI – начало XX в.)	207
<i>Козлова А.А.</i> Органы государственной власти в царствование Анны Иоанновны.	212
<i>Саражина Р.Г.</i> Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в последней четверти XVIII в.	217
<i>Воропанов В.А.</i> О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII в.	223
<i>Любичанковский С.В., Джунджужов С.В.</i> Христианизация и переселение калмыков в Оренбургский край (1740–1750-е гг.)	234
<i>Ищенко О.В.</i> Конфессиональный фактор в развитии образования на сибирской окраине Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.	239
<i>Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е.</i> Образ администрации горного округа в трудах ученых и путешественников, посетивших Алтай в 20–40-х гг. XIX в.	248
<i>Кабакова Н.В.</i> К вопросу о деятельности сибирских властей в организации переселений государственных крестьян в Тобольскую губернию (1840-е гг.)	251
<i>Султангалиева Г.С.</i> Взгляды российской власти на формирование казахского чиновничества в первой половине XIX в.	257
<i>Филимонов А.В.</i> Комитет Сибирской железной дороги и Переселенческое управление как высшие государственные учреждения нового типа в аспекте финансирования переселенческого дела (1892–1905 гг.)	261
<i>Гайдамакин А.В.</i> Комитет Сибирской железной дороги как объект исследования А.В. Ремнева	269
<i>Воробьев В.В.</i> Законодательная регламентация правового положения сибирской периодики в конце XIX в. – 1914 гг.	274
<i>Ведерников В.В.</i> Православная церковь и политические реформы в период Первой русской революции.	281
<i>Бычков С.П.</i> Пятая академия Русской православной церкви как проект интеллектуального усиления православия в Сибири в первые десятилетия XX в.	289
Раздел 4. Люди империи	295
<i>Бижигитова К.С.</i> Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в Степи (конец XVIII – начало XX в.)	295
<i>Ведерников В.В.</i> Ментальное пространство горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)	299
<i>Головнева Е.В., Жигунова М.А.</i> Сибирь и сибиряки: ментальное освоение края в XIX в.	303

<i>Степаненкова З.В.</i> В.В. Берви-Флеровский о национальной политике российского правительства второй половины XIX в.	310
<i>Герасимова В.А.</i> «Примерный солдат своего Отечества»? Еврейский кантонист на службе империи (по мемуарам А.М. Пантофеля)	315
<i>Адам А.Я.</i> Сибирское казачье войско: новые аспекты управления во второй половине XIX в.	325
<i>Сорокин А.П.</i> Генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадиевич Казнаков: осмысление личности.	329
<i>Масоэро А.</i> Колонизация в позднеимперской России: история понятия.	340
<i>Лебедев С.К.</i> Адольф Ротштейн и Русско-Китайский банк.	365
<i>Корзун В.П.</i> Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект)	378
<i>Белоконь И.В.</i> А.Н. Куропаткин как имперский идеолог и геополитик	389
<i>Толочко А.П.</i> Генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе (биографический очерк) . .	397
<i>Лосунов А.М.</i> Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора и войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска Е.О. Шмита.	402
<i>Шулдяков В.А.</i> Иннокентий Павлович Лаптев: провинциальный политик-либерал из сибирских казаков	409
<i>Антонов Е.П.</i> Историк Г.В. Ксенофонов о колониальном дискурсе в историографии Якутии.	423
<i>Суворова Н.Г.</i> Православные эксперты о степном колонизаторе	427
<i>Недзелюк Т.Г.</i> Ментальное конструирование сибирского пространства мигрантами из Европы на рубеже XIX–XX столетий.	433
<i>Алексеева С.И.</i> Санкт-Петербургское сибирское собрание (1910–1917 гг.)	436
<i>Кадиков Э.Р.</i> Революционеры в Сибири на службе империи в конце XIX – начале XX в.	439
<i>Черкасская Н.А.</i> Упокоение представителей дома Романовых в Китае: обоснование и последствия.	443
<i>Казыдуб Н.Г., Мищенко О.А.</i> История агрономического факультета ОмГАУ: от «насаждения культурного хозяйства» до селекционной науки (1910–1930-е гг.)	449
Раздел 5. Из творческого наследия юбиляра	456
Фрагмент переписки: А.В. Ремнев – С.К. Лебедев.	456
Историография как биография: автопортрет на фоне имперской истории	462
«О профессиональном сообществе ... в тематическом научном пространстве»: интервью с Анатолием Викторовичем Ремневым (29.04.2010)	463
Сведения об авторах.	472
Список сокращений.	477

38. *Игнаткин П.С.* Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.

39. *ПСЗ РИ-1.* СПб.: Типография II отд. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. II.

40. *Бобровников В.О.* Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.

41. *Конеv А.Ю.* «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.

42. *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 511 p.

A.Yu. Konev

**Peoples of Siberia in the social and legal dimension of the empire:
modern approaches to research**

Summary. Actual tendencies of national and foreign historical research into the policy with regard to indigenous peoples of Siberia since their merge with the Russian State until the beginning of XX century are analysed in the article. Special attention is paid to interpretation of the phenomenon of the “imperia complex” and the issue of presence/absence of colonial attributes of the “inorodtsy” policy of the tsar’s government. The role of the class paradigm in research into social history of autochthonous peoples of the region and their position in the structure of the Russian society as well as application of “history of concepts” in study of the terms which were used by the empire to describe and classify indigenous inhabitants of Siberia are considered.

Key words: empire, historiography, methodology, inozemtsy, inorodtsy, class paradigm, history of concepts, Siberia.

УДК 93/94

С.Н. Корусенко

**ТАТАРЫ СИБИРИ В ИСТОЧНИКАХ XVII-XX ВВ.:
ЭТНОСОСЛОВНЫЕ ШТУДИИ**

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К

Аннотация. Сегодня татары Сибири – это конгломерат различных этнических компонентов, из которых выделяются три большие группы: местные – различные тюркоязычные группы, бухарцы – выходцы из разных регионов Средней Азии, пришлые – различные группы поволжско-приуральских татар. В результате действий административной системы Русского, а затем Российского государства и СССР менялись идентичности тюркоязычного населения, расселенного на юге Сибири. Одновременно на протяжении длительного времени сосуществовали рядом групповые самоназвания, сословные и этноконфессиональные определения, ряд из которых становится этнонимами (экзо- и этно-). Трансформация происходила на протяжении всего хронологического периода. По материалам собранных в 1970-е – 2000-е гг. родословных в составе современных татар Сибири в качестве второго уровня самосознания (первый – татары) используются понятия, по которым можно выявить названные три основные группы. С сибирскими татарами идентифицируют

себя те, чьи предки в основном были местного происхождения. К сибирским причисляют себя и потомки поволжско-уральских татар, рожденные в Сибири (региональная идентичность), сохраняя этногенетическое сознание. Следующим уровнем этнического самосознания сибирских татар является их память о групповых различиях более крупного (тарлык, тоболлык, тюмелык, бараба) и мелкого порядка (курдак, саргач, аялы, туралы). Также выявляются различные группы пришлых татар – башкирские, уфимские, казанские, российские, мишари и т.п. В местах компактного расселения бухарцев в 1970-е гг. большинство потомков бухарцев старшего поколения идентифицировали себя бухарскими татарами. Последующие поколения помнят о своем бухарском происхождении, но себя называют татарами.

Ключевые слова: сибирские татары; идентичности тюркоязычного населения; групповые, сословные и этноконфессиональные определения.

Сегодня татары Сибири – это конгломерат различных этнических компонентов, которых условно можно разделить на три большие группы: местные – различные этнотерриториальные группы тюркоязычного населения; ранние мигранты или бухарцы – выходцы из разных регионов Средней Азии; поздние переселенцы – различные группы поволжско-приуральских татар [1, с. 24–25], которые стали переселяться в Сибирь в небольшом количестве еще во время правления Кучума, однако массовые переселения татар из Европейской России отмечаются лишь со второй половины XIX в. В результате действий административной системы Российского государства и СССР менялись идентичности тюркоязычного населения, расселенного на юге Сибири. Одновременно на протяжении длительного времени сосуществовали рядом групповые самоназвания, сословные и этноконфессиональные определения, ряд из которых становится этнонимами (экзо- и эндо-). Трансформация происходила на протяжении всего хронологического периода. В настоящее время на уровне этногенетического сознания по материалам собранных генеалогий выявляются различные варианты этнической идентичности татар Сибири. Таким образом, основной целью данной работы является выявление трансформации идентичностей тюркоязычного населения юга Западной Сибири на протяжении XVII–XX вв., которую предлагается рассматривать с точки зрения этносоциальной структуры данного населения.

Источники для проведения данного исследования можно разделить на несколько групп. Первая группа включает в себя статистические (опубликованные и неопубликованные) источники – материалы переписей населения, как первичные (ясачные, дозорные книги, ревизские сказки, материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.), так и статистические результаты переписей населения советского периода. В первичных материалах указывалась как сословная, так и этническая характеристика населения. Однако важное значение приобретает также отнесение того или иного населения к определенной волости. В частности, к волости Оброчных чувальщиков были отнесены пришлые в XVIII в. поволжско-приуральские татары, которые расселились в деревнях тобольских татар, в отличие от которых они платили не ясак, а подушную подать.

Ко второй группе источников можно отнести делопроизводственные документы – челобитные, прошения, материалы землеустроительных комиссий и т.д. В этих документах, составленных в основном русскими писцами, отражены не только определения местного населения со стороны управляющих органов, но и восприятия самих себя местным населением, особенно в тех моментах, когда они отстаивали свои права. К третьей группе источников относятся работы исследователей, в которых даются описания народов Сибири. В этом плане наиболее информативными являются материалы из портфелей Г.Ф. Миллера, подготовленные и опубликованные А.Х. Элртом, в частности описание путешествия по Иртышу [2, с. 75–99]. В этой группе выделяются также работы Б.О. Долгих и Н.А. Томилова. Б.О. Долгих проделана огромная работа по изучению ясачных

книг и других документов, характеризующих население Сибири в XVII в., на основе которых он выделил различные группы в этническом и социальном плане [3]. Классификация местных тюркоязычных групп и их особенности формирования и этнического развития представлены в работах Н.А. Томилова [4, 5].

Четвертая группа источников включает родословные татар Сибири, собранные участниками этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Сбор родословных осуществлялся по определенной схеме, где один из важных пунктов связан с этнической принадлежностью опрашиваемых и его предков, т.е. выяснялись различные уровни этнического самосознания и этногенетическое сознание. Родословные татар охватывают в основном 3–4 поколения по прямой линии, т.е. большинство татар не обладают значительной глубиной генеалогической памяти. Разработанная автором методика позволила реконструировать многочисленные генеалогические схемы татар Сибири на основе соединения собранных родословных и первичных материалов переписей населения XVIII–XIX вв. [6, 7]. С начала XXI в. активно ведутся работы по поиску рукописных арабграфических родословий *шаджара* (шэжэрэ, сечере – сиб.тат.), их переводу и анализу. В настоящее время в государственных и семейных архивах обнаружено несколько вариантов арабграфических родословных элитных бухарских родов [8]. Анализ обнаруженных шаджара и сопоставление их сведений с реконструированными генеалогиями современного населения позволили также проследить трансформацию или сохранение этнической идентичности потомков сибирских бухарцев [9, 10].

Общеизвестно, что этноним «татары» для тюркоязычного населения Западной Сибири являлся экзоэтнонимом, им в административных документах обозначался ряд народов, говорящих на тюркских языках. В конце XVI – начале XVII в., т.е. во время начального освоения Сибири Московским государством основную часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины составляли различные родоплеменные образования. Осваивая территорию Сибири и включая местное население в систему налогообложения, административные органы Московского государства создавали волостные единицы для централизации сборов налогов. Волости образовывались с учетом общности происхождения как в этническом, так и в социальном плане. Именно такой подход, отраженный в делопроизводственных документах, позволил Б.О. Долгих выявить родоплеменной состав населения Сибири в XVII в., где он выделил и группы тюркоязычного населения юга Западной Сибири [3].

Дальнейшее исследование этнической истории данного населения связано с именем Н.А. Томилова, который на основе огромного количества источников (материалы ревизий населения, полевые этнографические материалы и т.д.) предложил схему дифференциации территориально-этнических групп сибирских татар с выделением локальных групп этнографического характера [4, с. 246–247]. Им же были выявлены, насколько это представилось возможным, этнические компоненты в составе как территориально-этнических групп, так и локальных групп. В целом, необходимо отметить, что сложение как территориально-этнических, так и локальных групп тюркоязычного населения юга Западной Сибири продолжалось на протяжении XVII–XIX вв. Несмотря на различия в формировании групп, можно выделить общие моменты, которые обусловлены включением в состав ряда групп пришлого населения, представленного как выходцами из Средней Азии (т.н. сибирские бухарцы), так и переселенцами из Поволжья и Приуралья. Именно сочетание этих основных этнических компонентов (различные группы местного тюркоязычного населения и пришлые названные группы) и привело к сложению территориально-этнических групп.

Основное внимание в данной статье уделено социальной и этнической структуре татар Среднего Прииртышья, а именно территории Тарского уезда, которая включает в себя в настоящее

время часть северных районов Омской области и небольшую смежную территорию Тюменской области. В Тарском уезде сложилось две группы – курдакско-саргатские и тарские татары. Понятие «этносоциальная структура населения» неразрывно связана с изучением этнических (или социально-этнических) процессов. Их значение заключается не только в трансформации этнического и социального состава населения, но и в последствиях межэтнической интеграции или внутриэтнической консолидации. Этносоциальная структура тесно связана с понятием этнической истории и является ее неотъемлемой частью. В качестве раздела этнической истории как научного направления, сложившегося на стыке истории и этнологии, Н.А. Томилов выделяет этносоциальную историю, под которой понимает не только «динамику этнических свойств социальных институтов, отношений этнических общностей, но и историю этносоциальных организмов (эсо) и *в целом всех этносоциальных объединений* (выделено мной. – С.К.)» [11, с. 18]. Этносоциальная структура – это, прежде всего, совокупность этносоциальных сообществ, проживающих в границах общей территории. В последнее десятилетие активизировались исследования Сибири и ее населения (в основном русского) с точки зрения этносоциальной структуры, на которую огромное влияние оказала имперская политика государства [см., напр.: 12, 13, 14, 15, 16].

Тюркское население Тарского уезда по своему этническому и этносоциальному составу на всем протяжении заявленного хронологического отрезка не являлось однородным. В XVII в. его основной анклав составляли местные тюркоязычные группы, включенные после присоединения этих территорий к Русскому государству в разные социальные категории – ясачные, служилые и захребетные татары. В этот же период, в основном с середины XVII в., начинает формироваться этносословная группа бухарцев, первоначально незначительная по численности. Ясачное население (в отличие от служилых и захребетных татар, а позднее и бухарцев, которые первоначально в документах фиксировались как «юртовские бухарцы») фактически сразу было включено в волостную систему управления, а сами волости были сформированы с учетом этногрупповых различий. Наличие немногочисленных знаний о местном населении привело к тому, что на протяжении XVII в. в делопроизводственных документах постоянно менялось количество волостей. Дальнейшие изменения волостей происходили в связи с политикой государства как по отношению к инородческому населению Сибири, так и в целом административного переустройства России. Волости образовывались с учетом социального положения и налогообложения разных групп тюркского населения и, в свою очередь, в дальнейшем выступили в качестве определения этнических границ групп.

Первые сведения о волостной структуре тюркского населения Тарского уезда в XVII в. приведены Б.О. Долгих и основаны на анализе ясачных книг. Автор приводит численность плательщиков ясака по 9 волостям – Саргач (Ишим-томак), Тебендя, Котлубахтина, Я-Иртыш, Отуз, Тав, Тав-отуз (Куллары), Коурдак и Аялы [3, с. 50].

В дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [17, ф. 214, кн. 1182] переписано по поселениям (внутри – по дворам) все мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодья, определены местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого населения. В этой книге содержатся сведения по социальной стратификации населения. Из 425 листов с оборотами описание татарских поселений занимает 74 листа (348–422 об.), т.е. чуть менее 20% текста, что само за себя говорит о соотношении русского и аборигенного населения в Тарском уезде в начале XVIII в. В данной книге нет сведений о бухарцах, которым посвящена отдельная – Тарская дозорная книга этого же года [17, ф. 214, кн. 119]. Дозорные книги являются ценным источником для выявления этносоциальных категорий тюркоязычного населения, т.к. для периода XVII - XIX вв. в исторических источниках отмечается не этническая, а социальная и/или сословная принадлежность, а социальные границы не всегда совпадали с этническими.

У местного тюркоязычного населения условно можно выделить 4 основные социальные категории: ясачные татары, служилые татары, захребетные татары и юртовские бухарцы. Помимо этого имеются сведения о казанцах (10 человек взрослых и один ребенок – 0,9 % тюркоязычного населения), которые были расселены в деревнях вокруг г. Тары, в самой Таре и в более отдаленных от города поселениях, в основном в острожках. В большинстве своем они не имели земли, а часть из них – и скота. Три человека проживали в семьях бухарцев, остальные – своим двором. Среди татар проживали 8 калмыков. Почти все они являлись дворовыми людьми у служилых татар, что подтверждает тот факт, что они были взяты в плен в результате военных столкновений. У бухарцев в качестве дворовых людей записано 26 человек, у 23 из которых указано, что он калмык. Таким образом, дворовые люди составили 2,7%, большая часть которого отнесена к калмыкам. В состав бухарцев также вошли калмыки. Так, про одного бухарца написано, что «отец его родом был калмык и умре» [17, ф. 214, кн. 119, л. 21], а еще один бухарец родился в «Калмыкской земле» [17, ф. 214, кн. 119, л. 27 об.].

В этот период служилые (а также захребетные) татары и бухарцы не имели своих волостей, т.к. первая категория входила в сферу управления в целом служилыми людьми Тарского уезда, а вторая категория выделялась своим положением, во многом определяемым государством.

Первая и наиболее многочисленная этносоциальная группа – ясачные татары (вместе с детьми и братьями их насчитывается в дозорной книге 841 человек, что составляет 66,4% переписанного тюркоязычного населения). Ее основу составляло местное тюркоязычное население. При описании деревень, заселенных ясачными татарами, всегда указывалась волость – Аялынская, Коурдацкая, Кулларская, Отуская, Тебендинская. Далее шло перечисление имен ясачных определенной деревни, указывались дети и количество скота. Пашни, сенокосные и другие угодья были общими, и обычно эти сведения даны в конце описания каждого населенного пункта. Ясачные волости чаще всего формировались по этнонимическому признаку. Например, Аялынская волость была названа по этнической общности *аялы*, на основе которой впоследствии сформировалась локальная группа в составе тарских татар. Так же была основана и Коурдацкая волость. В то же время названия волостей Кулларской и Тебендинской связаны с существовавшими еще во времена Сибирского ханства Кулларским и Тебендинским городками. В дальнейшем, во второй половине XVIII в., эти волости были преобразованы в Саргатскую и Тав-Отузскую, название которых связано с этнонимами тюркоязычного населения.

В описаниях некоторых деревень встречаются *князцы*, которые по своему социальному (а в приведенном примере и по имущественному) положению выделяются среди рядовых общинников:

«Деревня Усть-Тарская, Тартамак та ж на устье Тары реки. Живут ясаиные татаровя.

Князец Иткучук Бучкаков сказал, скота у него – пять лошадей, рогатого столько же, двадцать овец.

Ясаиные татары

Токмашко Чатаев...» [17, ф. 214, кн. 1182, л. 365].

По мнению С.В. Бахрушина, во времена Сибирского ханства князцы выполняли функцию сборщиков ясака с «черных людей», за что были освобождены от его уплаты [18, с. 157]. Эта функция князцов «перешла по наследству» от Сибирского юрта к Московскому государству, однако с течением времени князцы были включены в податное сословие и их положение все больше приравнивалось к рядовым ясачникам. Приведенный пример показывает несколько обособленное положение Иткучука Бучкакова, предка современных татар Князевых, получивших свою фамилию именно от его княжеского титула [6, с. 52–53], т.к. он записан отдельно от ясачных татар. Остальные 8 князцов записаны вместе с жителями тех деревень, в которых они проживали, и в имущественном отношении или незначительно выделялись количеством скота, или имели столько же

скота, сколько и остальные ясачные татары. В целом, на протяжении XVIII – первой четверти XIX вв. категория ясачных людей оставалась более или менее стабильной.

Служилых и захребетных татар невозможно рассматривать по отдельности, т.к. они взаимосвязаны – только в тех деревнях, где переписаны служилые татары, идет описание и захребетных татар. С.В. Бахрушин выводит происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов – «тарханов», куда он включает туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Они несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гонимости, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением [18, с. 163].

Представители данной социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Б.О. Долгих предположил, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения, и прежде всего аялынцева [3, с. 49]. Н.А. Томилов отмечает, что, как и тобольские и тюменские татары, они совершали ежегодные походы на юг к Ямышеву озеру за солью, посылались на службу в Тару, Томск и некоторые другие города и острожки, участвовали в военных походах. Постоянным местом их жительства были деревни, расположенные около г. Тары [4, с. 145]. По материалам дозорной книги это такие деревни, как Киргап (приводятся современные названия деревень), Айткулово, Атак, Речапово, Большие Туралы, Сеитово, Себеляково. Из них только деревня «Туралинских юрт» расположена на левом берегу Иртыша, остальные – на правом вдоль берега. Это подтверждает мнение Б.О. Долгих о местном компоненте служилых татар, т.к. при изучении расселения автохтонного тюркоязычного населения С.С. Тихоновым был сделан вывод о том, что основные их земельные владения, а также поселения были расположены вдоль правого берега Иртыша [19, с. 214]. Таким образом, служилые татары, несмотря на прохождение службы, оставались на своих землях. В XVII в. начинается перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно этот вопрос освещен в работе Н.Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривает этот процесс относительно русского служилого населения. Она отмечает, что начало оседания на землю русского служилого населения на данной территории происходило в первой четверти XVII в., приводя в пример материалы «Дозорной книги Тарского уезда 1624 г.», где переписаны селения русских служилых людей, представлявшие в большинстве своем деревни-однодворки [20, с. 84]. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивали все новые земельные угодья. Можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные угодья до оседания на землю русских служилых людей, т. к. в состав служилых татар, как уже упоминалось выше, по мнению Бахрушина, вошли туземные князья, мурзы, племенные князцы и отчасти духовная знать. К концу XVII – началу XVIII вв. ситуация на территории Тарского уезда становится стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т. д. Поэтому именно в это время произошло увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительное количество земельных угодий. Таким образом, нам представляется, что именно начиная со второй четверти XVII в. шел процесс оседания служилых татар на землю. В результате массового перевода категории служилых людей на «службу с пашни» во второй половине XVII в. земли служилых татар были закреплены за ними юридически. В материалах дозорной книги вокруг г. Тары зафиксировано 61 служилый и 62 захребетных татар. Всего с детьми и братьями их было соответственно 118 и 99 человек (9,3% и 7,8% тюркоязычного населения).

В услужении у служилых татар были захребетники – «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и «живя» «за хребтом» более состоятель-

ных своих соплеменников ...были обязаны своим хозяевам известными повинностями» [18, с. 170]. В количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. С.В. Бахрушин отмечает, что основную массу захребетников составляли чужеродцы. Но анализ сведений дозорной книги позволяет усомниться в слишком большом количестве «чужеродцев». Часть захребетных (21 двор) не имели как пашенных, так и сенокосных угодий. В то же время большинство захребетных (40 дворов) владели как пашенными, так и сенокосными угодьями. Это является косвенным подтверждением того, что они были выходцами из местных родоплеменных групп. Об этом свидетельствует и тот факт, что имеются указания на «старинное владение» этими землями.

На протяжении XVIII в. служилое население Тарского уезда (как русское, так и татарское) было переведено в другие категории в связи со своей ненужностью, т.к. в этот период были освоены уже более южные и восточные территории. Если большинство русских служилых людей были поверстаны в крестьяне, то служилые татары и их захребетники были отнесены к категории ясачных. Во второй половине XVIII в. в Тарском округе создана отдельная волость – Подгородная, к которой были приписаны потомки служилых и захребетных татар, а в материалах 4-й ревизии (1782 г.) населения появились такие определения, как «старинная ясачная дочь» и «староясачные татары» для разграничения тех, кто издавна платил ясак, и тех, кто совсем недавно был переведен в категорию ясачных.

Сибирские бухарцы представляют особую этносословную группу. Изначально это понятие означало выходцев из регионов Средней Азии, однако на протяжении второй половины XVII – начала XX в. данное понятие становится этносословным определением [21, с. 19–28]. Бухарцев также называли сартами (например, у Миллера читаем: «...бухарцы как на их собственном национальном языке, так и татарами называются словом "сарт"» [2, с. 89]). В делопроизводственных документах начала XIX в. прошения подаются от «бухарцев и ташкенцев». Такое объединенное понятие, судя из текста документа, появляется во второй половине XVIII в. и существует до реформ М.М. Сперанского. Частенько в документах к администрации бухарцы называли себя иноземцами. В состав бухарцев в разное время включались в небольшом количестве калмыки, каракалпаки, киргизы (казахи).

Толчком к формированию бухарцев как этносословной группы стало учреждение в Сибири Бухарского купечества в 1595 г. Указ царя Федора Ивановича фактически закрепил существовавшие еще до прихода русских торговые отношения Средней Азии и Сибирских ханств. Однако численность бухарцев на протяжении первой половины XVII в. оставалась ничтожной. Грамота царя Михаила Федоровича 1645 г. всячески способствовала привлечению бухарцев в Сибирь на постоянное место жительства. В тексте констатируется тот факт, что, занимаясь торговлей, бухарцы активно начали осваивать и земельные пространства. Русское правительство, всячески поддерживая развитие торговли со среднеазиатскими государствами, не препятствовало развитию и других занятий иноземцев, тем самым привлекая их остаться на постоянное место жительства в Сибири. И на протяжении второй половины XVII в. бухарцы не платили никаких налогов на приобретенные ими земли, пока правительство не озаботилось этим вопросом и не провело ревизию бухарских владений, результаты которой по Тарскому уезду отражены в отдельной дозорной книге 1701 г. Здесь переписано 82 двора, всего 161 бухарец мужского пола с детьми и братьями (12,9% тюркоязычного населения Тарского уезда). На протяжении XVIII в. происходит численное увеличение бухарцев, связанное с переселением новых родов, в основном уже не из районов Средней Азии, а из джунгарских земель – т.н. зенгорские бухарцы.

Первоначально основной деятельностью бухарцев была торговля, и именно этот фактор стал решающим в обособлении этой группы от других социальных категорий за счет выданных им

особых привилегий. В дальнейшем, когда начинается земледельческое освоение территории Сибири бухарцами, российское правительство делает попытки включить данную группу в систему налогообложения и административного подчинения. По сути, бухарцы, проживавшие в деревнях сибирских татар, мало чем отличались от ясачного населения и служилых татар, так же занимались скотоводством, земледелием, рыболовством и т.д. В то же время в правительствующих кругах сложился образ бухарцев как торговых деятелей. Именно это обстоятельство и определяло появление все новых указов относительно бухарцев, которые все больше способствовали обособлению этой этносословной группы. И здесь нельзя не отметить противоречивость власти, которая, с одной стороны, выдавала обещания и позволяла пользоваться определенными привилегиями как в части торговли, так и в части налогообложения, а также позволяла закреплять за собой огромные земельные угодья, с другой – пыталась подчинить себе и включить в фискальную и административную системы. И этот процесс происходил на протяжении XVIII – первой трети XIX в.

Окончательному оформлению сибирских бухарцев как этносословной группы способствовал высочайший рескрипт 1787 г. к бывшему Сибирскому генерал-губернатору Кашкину, в котором подтверждались все привилегии, а также разрешалось ввести свое управление делами. С этого времени была узаконена сформированная чуть ранее Бухарская волость в Тарском округе; в Тобольском и Тюменском округах бухарцы находились в ведении бухарского старшины и лишь к середине XIX в. (материалы 9-й ревизии) были созданы Бухарские волости в Тобольском округе и Тюменском уезде.

К концу XVIII в. на территории Тарского уезда (к этому времени он значился как Тарский округ. – *С.К.*) окончательно сформировалась волостная структура, включившая все тюркоязычное население данной территории. В районе Тарского Прииртышья на территории расселения тарских татар в материалах 4-й и 5-й ревизий значатся следующие волости: ясачные – Аялынская, Подгородная, Остяцкая; Бухарская волость, к которой были приписаны в основном бухарцы. На территории расселения курдакско-саргатских татар существовали Коурдацкая, Саргатская, Тавская и Отузская. В 1816 г. на территории Тарского округа (в селениях вокруг г. Тары) была сформирована Порушная волость, создание которой, как считают исследователи, было связано со значительным переселением татар из Барабинской лесостепи [5, с. 99].

На протяжении XVII–XIX вв. волости татар и бухарцев являлись административно-фискальными, а не территориальными единицами, учитывая не только разнообразие социальных групп населения, но и сложившееся также чересполосное расселение инородческого и русского населения. Волостная структура периодически подвергалась изменениям. Население одной деревни могло быть приписано к 2–4, а то и 5 волостям. Так, например, население д. Сеитово Тарского уезда Тобольской губернии (ныне – Тарский район Омской области) в начале XIX в. было приписано к пяти волостям – Аялынской, Бухарской, Остяцкой, Подгородной и Порушной. Совместное проживание представителей разных социальных групп зафиксировано также Миллером в его путевых записках:

«Sibeljak-aul (д. Себеляково. – *С.К.*), на восточном берегу, в 1 версте от Бутаковой. Заселена служилыми, ясачными и бухарцами <...>

Godsch-aul, по-русски Саидовы юрты (д. Сеитово. – *С.К.*), на восточном берегу, в 5 верстах от [аула] Sibeljak. Заселена служилыми, ясачными и бухарцами. Между [аулом] Sibeljak и этой деревней Иртыш образует излучину к северо-востоку, имеющую 20 верст в окружности таким образом, что местность, охваченная этой излучиной реки, имеет ширину едва в полверсты [аула] Sibeljak <...>

Abdal-aul (не существует. – *С.К.*), на восточном берегу, в 3 верстах от аула Godsch. Заселена ясачными, служилыми и бухарцами <...>

Artisch-aul (не существует. – С.К.), на восточном берегу. Заселена бухарцами и захребетными татарами. Захребетные татары называют себя также по-татарски с русским окончанием – туралинцы. Они ничего не платят в казну и вместо этого раньше их использовали подобно служилым людям для работы на соляных дощаниках до Ямышева озера, что сейчас, однако, уже не происходит <...>

Atak-aul (д. Атак. – С.К.), на восточном берегу, в полуверсте от аула Artisch. Заселена бухарцами и захребетными татарами <...>

Kirgar-aul (д. Киргап. – С.К.), две деревни на восточном берегу, в 3 верстах от Иткулевой. Заселены бухарцами, служилыми и захребетными татарами. Нижняя деревня для зимних жилищ, а верхняя – для летних» [2, с. 90–92].

Причину такой волостной группировки татарского населения Г.Т. Бакиева объяснила тем, что, «переселяясь в другие селения, пришельцы в административном и фискальном отношении по-прежнему оставались членами той волости, из которой происходили» [22, с. 54]. В действительности волости создавались уже в то время, когда существовала определенная категория населения. Например, бухарцы во время правления Екатерины II добились права на свою, Бухарскую, волость, хотя и были расселены по разным населенным пунктам изначально, еще до создания волости. Еще один пример связан со служилыми татарами и их захребетниками, давно расселенными по разным деревням и проживавшими совместно с ясачными, для которых в последней четверти XVIII в. была создана отдельная Подгородная вол. в Тарском округе, когда служилых этого округа перевели на ясак. Известен также факт создания новой волости в связи с переселением из других мест в уже существующие татарские поселения в том же Тарском округе – Порушной, к которой приписали переселившихся в начале XIX в. татар из Барабинской лесостепи. Или, о чем писалось ранее, в этот же период была создана отдельная волость Оброчных чувальщиков для татар-переселенцев из Европейской России, которые в реальности расселились в различных поселениях местных татар. То есть волость в начале XIX в. закрепляла уже существующие различные группы населения в зависимости от их податного обложения со стороны государства.

Такая волостная структура просуществовала на протяжении всего XIX в. Так, в журнале Тобольского окружного по крестьянским делам присутствия отмечалось (запись № 91 от 1 июля 1895 г.): «Особенности татарских волостей: бухарцы расселились почти по всем татарским юртам; крайне оригинальная группировка волостей с татарским населением "...заклучавшаяся в том, что почти в каждом татарском селении жители его принадлежат не к одной какой-то инородческой волости, а чуть не ко всем"... Еще более разбросано население Бухарской волости, имеющее свое инородческое управление также в г. Тобольске, но самые дальние юрты той волости находятся в пределах Тюменского и Тарского округов» [23, ф. 479, оп. 2, д. 51, л. 37, 38].

Социальная структура тюркоязычного населения Западной Сибири претерпела изменения в связи с принятием «Устава об управлении инородцев» (1822 г.). Ясачные татары были отнесены к категории оседлых инородцев и приравнены в обязанностях с государственными крестьянами. Данный процесс не был одномоментным актом. В ответ на причисление татар к категории оседлых инородцев и уравнивание их в податях с государственными крестьянами, основным занятием которых было земледелие, в центр пошли «жалобы староясачных татар, от кучумовичей происшедших, на то, что их отнесли к оседлым инородцам и отменили ясак» [23, ф. 3, оп.1, д. 620, л. 20]. В конце 1827 г. была организована ясачная комиссия для определения правомерности таких действий. В результате работы комиссии большая часть татар была отнесена к оседлым инородцам, несмотря на то, что земледелие не являлось их основным занятием (особенно это касалось заболотных татар, которые вовсе не занимались земледелием). Переходное состояние от ясачных к инородцам хорошо прослеживается по материалам 8-й (1834 г.)

и 9-й (1950 г.) ревизий населения, в которых указываются то инородцы, то инородцы из ясачных татар, то ясачные инородцы и т.п.

Параллельно предполагалось укрупнить волости: по Уставу 1822 г. в Сибири предусматривалось причисление «оседлых инородцев», «прежде рассеянных между россиянами», к русским деревням. «Инородческие» селения, если число душ в них не оказывалось достаточным для составления «особенной волости», полагалось включать в состав русских волостей [24, с. 155]. Однако местные татар забросали власти жалобами, и данная попытка не увенчалась успехом. Для татар важным аргументом в пользу оставления своих волостей явился конфессиональный фактор. Мало того, дальнейшая унификация населения привела к тому, что были упразднены волости, созданные в связи с особым статусом или особым податным обложением населения (например, в середине XIX в. были упразднены Порушная и Подгородная волости в Тарском округе Тобольской губ., а их население приписано к Аялынской инородческой вол.).

С бухарцами ситуация складывалась иначе. Бухарцами Тобольского, Тюменского и Тарского округов было подано прошение в Сибирский комитет об оставлении им всех их привилегий, в котором перечислялись указы всех предыдущих правителей, начиная с грамоты царя Михаила Федоровича от 1645 г. «По рассмотрении всех сих сведений Сибирский комитет рассуждал, что по роду промышленности бухарцы могут быть разделены на два разряда: одни занимаются земледелием, другие же торговлею. Состояние первых ясно определено вышеприведенным докладом Правительствующего сената, т.е. сравнением их в податях с государственными крестьянами, а потому и надлежит распространить на них во всей силе правила, относительно оседлых земледельцев в Уставе о сибирских инородцах изложенные» [23, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 30]. Бухарцы, занимавшиеся торговлей, были отнесены к купечеству. Бухарцы по-прежнему имели свое управление и свои волости, что выделяло их и способствовало сохранению определенных групповых границ.

Этносоциальный состав тюркоязычного населения Среднего Прииртышья конца XIX в. вычленяется из материалов Всеобщей переписи населения 1897 г. В материалах данной переписи отсутствовал пункт об этнической принадлежности, народности, национальности и т.п. Однако сочетание сословного состояния, языка и веры позволяет выявить этническую характеристику населения, что и сделано было С.К. Паткановым [25]. Например, сочетание «инородец, вера – мусульманская, язык – татарский» означал потомков местных тюркоязычных групп. Бухарцы четко вычленяются по своему сословному состоянию, т.к. все они были приписаны к Бухарской волости, а в пункте о сословии записаны бухарцами. Поволжско-приуральские татары массово начали переселяться в Сибирь со второй половины XIX в., хотя незначительные переселения случались и раньше. В материалах 10-й (1858 г.) ревизии и переписи 1897 г. они записаны государственными крестьянами, и только в сочетании с верой и родным языком становиться понятным их пришлое происхождение.

К концу XIX в. изменилось соотношение основных трех этносоциальных групп в составе тюркоязычного населения юга Западной Сибири, что хорошо видно на примере Тарского уезда Тобольской губернии. Изменилось не только общее количество татар и бухарцев, но и их соотношение, по сравнению с началом XVIII в. (материалы дозорных книг), а сами группы стали более унифицированными. В материалах переписи 1897 г. по Тарскому уезду учтены: инородцы (местные) – 6841 (47,8%) чел.; бухарцы – 4515 (31,5%) чел.; государственные крестьяне (поволжско-приуральские татары) – 2962 (20,7%) чел. [25, с. 2-3].

Советская власть поставила национальный вопрос на одно из первых приоритетов, включив пункт о народности/национальности в переписной лист переписи населения 1926 г., по которой в Сибири учтены татары (совместно местные и пришлые), бухарцы, отдельно прописаны барабинские татары. В документах местных властей в 1920-е гг. употреблялись понятия татары-туземцы и

татары-бухарцы. В 1926 г. была упразднена Бухарская волость в Тарском уезде. К началу 1930-х гг. бухарцы местной администрацией учитывались уже в составе татар, что и отразилось в материалах всех последующих советских переписей.

По материалам собранных в 1970-е – 2000-е гг. родословных в составе современных татар Сибири в качестве второго уровня самосознания (первый – татары) используются понятия, по которым можно выявить названные вначале три основные группы, хотя на протяжении длительного совместного проживания они значительно перемешались посредством браков. С сибирскими татарами идентифицируют себя те, чьи предки в основном были местного происхождения. К сибирским причисляют себя и потомки поволжско-приуральских татар, рожденные в Сибири (региональная идентичность), сохраняя этногенетическое сознание. Следующим уровнем этнического самосознания сибирских татар является их память о групповых различиях более крупного (тарлык, тоболлык, тюмельк, бараба) и мелкого порядка (курдак, саргач, аялы, туралы). Также выявляются различные группы пришлых татар – башкирские, уфимские, казанские, российские, мишари и т.п. В местах компактного расселения бухарцев в бывшем Тарском округе (современные Большереченский и Тарский районы Омской области) в 1970-е гг. большинство потомков бухарцев старшего поколения идентифицировали себя бухарскими татарами. Последующие поколения помнят о своем бухарском происхождении, но себя называют татарами.

Список источников и литературы

1. *Татары*. М.: Наука, 2001 г. 583 с. (Серия «Народы и культуры»)
2. *Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Серия «История Сибири. Первоисточники»; Вып. VI).
3. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 622 с. (Труды Института этнографии; Т. 55).
4. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 276 с.
5. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
6. *Корусенко С.Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII – XX веках. Омск: Изд. дом. «Наука», 2006. 218 с.
7. *Корусенко С.Н.* Методика реконструкции генеалогий татарского населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Уфа, 1997. С.74–76.
8. *Бустанов А.К.* Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. С. 195–230.
9. *Bustanov A.K., Korusenko S.N.* Genealogy of the Siberian Bukharians: the Imyaminov clan // *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2010. № 2(38). С. 97–105.
10. *Bustanov A.K., Korusenko S.N.* Genealogy of the Siberian Bukharians: Shikhovs // *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2014. № 4(42). С. 136–145.
11. *Томилов Н.А.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. 218 с.
12. *Бережнова М.Л.* Роль теории в интерпретации этнографических материалов (на примере реконструкции социального статуса сибирских крестьян XVIII–XX веков) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 188–190.
13. *Кабакова Н.В.* Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. 213 с.

14. *Крих А.А.* Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVII–XIX вв. // Роль государства в хозяйственном и культурном освоении Азиатской России XVII–начала XX века. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2007. С. 151–158.

15. *Крих А.А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. Дом «Наука», 2012. 296 с.

16. *Суворова Н.Г.* Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 2. С. 160–173.

17. РГАДА

18. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 153–175.

19. *Тихонов С.С.* Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 8. Омск, 2004. С. 200–233.

20. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. 370 с.

21. *Корусенко С.Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Изд. дом. «Наука», 2011. 248 с.

22. *Бакиева Г.Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень – Москва, 2003. 258 с.

23. ГИАОО

24. *Сословно-правовое* положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): Сборник правовых актов и документов / ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.

25. *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. СПб., 1911. 432 с.

S. N. Korusenko

**The Siberian Tatars in the sources of the XVII-XX c.:
ethnoestates studies**

Summary. The modern Siberian Tatars are a conglomeration of different ethnic components from which three big groups can be singled out: the locals – different Turkic – speaking groups, the Boukhartsy – people of various Central Asian descents, and the aliens – different groups of the Volga and Ural Tatars. As a result of the activity of the Russian and the Soviet state the identities of the Turkic – speaking population settled in the south of Siberia were changing. Simultaneously, during a long time there cohabited group self-nominations, estates and ethnoconfessional definitions some of which have become ethnonyms (exo - and ethno-). The transformation was happening during the whole chronological period. At the level of ethnogenetic conscience, based on the materials of the genealogies gathered, various variants of ethnic identification of the Siberian Tatars are discovered.

According to the materials of the genealogies gathered in 1970-2000-es in the body of the modern Siberian Tatars as the second level of self-perception (the first is the Tatars) there are used the notions according to which one can trace the above mentioned three basic groups. Those whose ancestors were mainly of local origin identify with the Siberian Tatars. The descendants of the Volga-Ural Tatars born in Siberia identify themselves as the Siberian Tatars (regional identity), preserving the ethnogenetic conscience. The next level of ethnic identity of the Siberian Tatars is their memory of the group differences, of large (*tarlyk, tobollyk, tyumenlyk, baraba*) and small scale (*kourduck, sarguch, ayalyh, touralyh*) Also,

there are distinguished different groups of the alien Tatars – the Bashkirsky, Oufimsky, Kazansky, Russian, Mishary, etc. In the places of compact habitation of the *Boukhartsy* in the 1970-es the majority of the descendants of the older *Boukhartsy* identified themselves with the Boukhara Tatars. The following generations remember their Boukhara origin, but call themselves Tatars.

Key words: Siberian Tatars; the identities of the Turkic – speaking population; self-nominations, estates and ethnoconfessional definitions.

УДК 316.42(571.12)

И.С. Томилов

ИЗМЕНЕНИЕ СОСЛОВНОГО СОСТАВА ГОРОДОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Изменения численности городского населения являются зеркальным отражением развития экономики, управления, социальной сферы жизни обывателей. Благодаря этому можно судить о миграционных процессах, уровне рождаемости и брачности, естественном и искусственном приростах и многих других демографических процессах, влияющих на уклад и общественный быт. В рамках данного исследования найдёт отражение динамика численности различных категорий городского населения Тобольской губернии на различных временных отсечках пореформенного периода. В течение второй половины XIX – начале XX вв. отмечена положительная тенденция в увеличении численности горожан, ставшая возможной, по нашему мнению, благодаря возрастающим процессам как внутренней (из сел в города), так и внешней (из Европейской России в Сибирь) миграции, а также строительству Сибирской железной дороги. Как видно, в этом явлении больше преобладали искусственные факторы, чем естественные. Трансформационные процессы, набравшие ход на рубеже XIX – XX вв., непосредственно коснулись социального состава жителей городов. Размывание сословных границ, численное преобладание одних и значительное сокращение других категорий населения – все это было следствием модернизационных и урбанистических преобразований, в той или иной мере повлиявших на социально-демографическое положение городов исследуемого региона.

Ключевые слова: город, Тобольская губерния, пореформенный период, сословия, категория, трансформация, социальная структура, общество.

Вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовались значительными трансформационными процессами, коснувшимися разных областей жизнедеятельности населения. Не в последнюю очередь эти изменения коснулись социального состава городов, в том числе западносибирских регионов.

Относительное соотношение сословий в городах Тобольской губернии было неодинаковым. Численность категории населения во многом зависела от статусно-функционального назначения города. В сельскохозяйственных районах (Курган, Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск) больше сосредотачивались крестьяне, в торгово-экономической Тюмени – купцы и мещане, в административном Тобольске – чиновники и дворяне [1, с. 37].

Объектом исследования выступает социальная структура городского общества Тобольской губернии на протяжении пореформенного периода в истории России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Предметом является изучение динамических процессов в составе объекта под воздействием трансформационных изменений в социально-демографической обстановке представленного региона.

Объект-предметная составляющая работы требует применения большого методологического аппарата. Анализ обширной темы представляется сложным в рамках какой-либо отдельной

Сборник научных трудов

**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ:
ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ**

Ответственные редакторы:

к.и.н. Н.Г. Суворова – ответственный редактор

к.и.н. С.А. Мулина – ответственный редактор

Корректоры: Т.П. Семина,

Л.Н. Лиценбергер

Верстка: И.В. Кан

Подписано в печать 08.06.2016.

Формат 60x84/8. Бумага писчая.

Оперативный способ печати.

Тираж 100 экз. Заказ № 151.

Отпечатано в «Полиграфическом центре КАН»

тел. (3812) 24-70-79, 8-904-585-98-84.

E-mail: pc_kan@mail.ru

644050, г. Омск, ул. Красный Путь, 30

Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97